

Воспоминанія бывшего штурманскаго офицера.

Покойная мать моя, по окончаніи курса наукъ въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ, уѣхала въ Литву, гувернанткой, въ польское семейство. Она была круглая сирота, по отцу нѣмка.

Хотя фамилія моя русская, но нѣмецкое происхожденіе мое было замѣчено адмираломъ Епанчинымъ, когда я служилъ на стопушечномъ кораблѣ „Россія“. Видя меня на вахтѣ, стоящимъ со сложенными въ карманъ руками, адмиралъ удивился, узнавъ, что я русскій. „Ну, совершенный Карлъ Карловичъ“, — сказалъ адмиралъ.

Мать моя сохранила хорошія воспоминанія объ институтской жизни и съ особенною любовью вспоминала про Императрицу Марію Θεодоровну. До сихъ поръ у меня сохранился портретъ Императрицы, рисованный моимъ отцомъ. Покойная Государыня часто посѣщала институтъ, любовалась на балеты, исполняемые воспитанницами, и однажды сказала: „не очень занимайте ихъ танцами, вѣдь вы не балеринъ изъ нихъ готовите“.—Отецъ мой воспитывался въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ, гдѣ существовалъ суровый режимъ. Каждый преподаватель имѣлъ право сѣчь учениковъ. Однажды произошелъ курьезъ: священникъ, самый строгій преподаватель, высѣкъ ученика за лѣность. Когда наказанный мальчикъ доказалъ знаніе своего урока, тогда священникъ сознался въ своей ошибкѣ и сказалъ, что сдѣланная имъ несправедливость будетъ учтена впередъ. Мальчикъ, отходя отъ учительскаго стола, улыбнулся. Свя-

щенникъ, замѣтивъ улыбку, быстро ему сказалъ: „квитъ“.—Въ то время воспитанники старшихъ классовъ пили потихоньку водку. Мой отецъ обладалъ большою силою и красивою наружностью. Великій князь Михаилъ Павловичъ, посѣтивъ какъ-то институтъ, обратилъ на него свое вниманіе и спросилъ: „хочешь служить въ солдатахъ“?. Отвѣтъ послѣдовалъ, конечно, отрицательный. Покойный князь очень любилъ военное дѣло; обращалъ вниманіе на красивую солдатскую стойку и, при стрѣльбѣ въ цѣль, отдавалъ предпочтеніе тѣмъ рядовымъ, которые прямо себя держали, предъ другими, мѣтко стрѣляющими, но сгибающими свой станъ.

Покойная моя мать прожила въ Литвѣ пять лѣтъ и уѣхала отсюда послѣ польскаго возстанія 1831 года. Помѣщикъ, у котораго она жила, держалъ сторону русскихъ, а потому принужденъ былъ скрываться въ лѣсу, переодѣвшись мужикомъ. Когда приходило въ имѣніе войско польское, или русское, тогда встрѣчать незваныхъ гостей должна была гувернантка, т. е. моя мать. Воины иногда рубили портреты, стрѣляли въ стѣны. Однажды, при домовомъ обыскѣ, нашли у моей матери бритву и спросили, для чего держится подобное оружіе. Та отвѣтила: „срѣзать мозоли съ ногъ“. Былъ такой случай: „однажды утромъ“—разсказывала моя мать,—„кто-то меня разбудилъ. Я не могла сразу разсмотрѣть, кто это, потому что глаза слиплись отъ сыворотки, которою я намазала съ вечера свое лицо для устраненія загара. Каковъ былъ мой испугъ, когда я увидала предъ собою мужчину, въ военной формѣ. Оказалось, однако, что это была графиня Плятеръ, пріобрѣвшая громкую извѣстность своимъ участіемъ въ возстаніи. Графиня сказала, что русскіе узнали о ея военномъ костюмѣ и ей необходимо теперь же одѣть женское платье, поэтому просила дать ей нужную одежду. Моя покойная мать исполнила эту просьбу и нѣсколько дней спустя получила обратно свою одежду, при письмѣ, писанномъ на французскомъ языкѣ. Мать моя долго хранила это письмо, и я, будучи мальчикомъ, видалъ эту записку. Какъ извѣстно, графиня Плятеръ была взята въ плѣнъ и казнена. Тогда въ Парижѣ носили шляпы à la Plater въ честь этой отважной дѣвушки, а поэтъ Мицкевичъ воспѣлъ ея отвагу.

Помѣщики въ Литвѣ жили въ то время очень богато. Посѣщать городъ Вильну имъ не было интересно: все нужное было дома. „Бывало, говорила моя покойная мать, спрашиваетъ меня лакей, что я буду пить утромъ,—чай или кофе. Я отъ всего отказывалась, шла въ садъ и ѣла тамъ фрукты“. Иногда, разсказывая про жизнь въ Литвѣ, мать моя вспоминала польскія пѣсни временъ возстанія. Вотъ что она напѣвала подъ звуки фортепіано:

Чиновники всѣхъ классовъ
 Утекли ужъ отъ насъ,
 Утекъ и русскій попъ.
 Гопъ, гопъ, гопъ.

Или подь тактъ мазурки:

Не хватца польска коса
 Имъ врагамъ утремъ носа
 Гей, братья, въ имя Боже,
 Богъ, да намъ поможе.

Эти слова я передаю въ искаженной формѣ, какими они у меня остались въ дѣтской головѣ.

Одно время обязанность моей покойной матери состояла въ переводѣ поварской книги съ нѣмецкаго языка на польскій и въ объясненіи повару, какъ надо приготовить извѣстное блюдо. У меня сохранилась въ памяти фамилія только одного семейства, гдѣ жила моя покойная мать, это графъ Марекони.

Съ выходомъ замужъ, покойная мать моя убѣдилась, что жалованье моего отца маленькое. Поэтому она открыла въ Коломенской части города Петербурга школу для дѣтей обоего пола и содержала таковую больше 20 лѣтъ. Въ этой школѣ учился и я. Въ то время школъ въ столицѣ было очень мало; кажется, въ Коломнѣ было всего 2. Плата за ученіе была очень небольшая: 2—3 рубля въ мѣсяцъ. Множество купеческихъ дѣтей оканчивало ученіе въ школѣ и шло торговать. Иногда мать моя держала пенсіонеровъ. Помню я двухъ: Гангесова изъ Астрахани и Лютинскаго изъ Вильны. Последняго привезъ отецъ и, заплативъ деньги за полгода, скрылся. Что-то около года мать моя возилась съ мальчикомъ, не зная, куда его дѣть. Наконецъ, догадалась пойти въ костелъ на Невскомъ проспектѣ и просить ксендзовъ взять мальчика, грозя въ противномъ случаѣ перекрестить мальчика въ русскую вѣру. Угроза подействовала и мальчика взяли. Самъ дворянинъ Лютинскій былъ вдовецъ, желалъ вступить въ бракъ вторично и готовъ былъ жениться „хоть на козѣ, лишь бы были деньги“.

Въ дѣтскомъ возрастѣ я слышалъ рассказъ о строгости Императора Николая. Однажды, въ началѣ лѣта, Императоръ обратился къ какому-то придворному служащему съ вопросомъ: созрѣли ли вишни. Спрошенный отвѣчалъ, что уже есть зрѣлыя, и что онъ завтра ихъ пришлетъ. На другой день была собрана тарелка ягодъ и послана къ Императору съ садовникомъ. Этотъ послѣдній, неся тарелку, внимательно разсматривалъ ягоды и выбрасывалъ сомнительной зрѣлости. Такъ какъ онъ повыбрасывалъ много, то на та-

релкѣ осталось ягодъ мало, и садовникъ не рѣшился поднести ихъ Императору. На другой день, вчерашній придворный, разговаривая съ Императоромъ, спросилъ: понравились ли ему вишни. Тотъ отвѣтилъ, что никакихъ вишенъ онъ не получалъ.—„Да я самъ ихъ послалъ къ Вашему Величеству съ садовникомъ“.—„Отдать его въ солдаты“,—была резолюція Императора.

Первую морскую кампанію я дѣлалъ въ 1853 году на трехдечномъ стопушечномъ кораблѣ „Россія“, гдѣ держалъ свой флагъ вице-адмиралъ Епанчинъ. Дивизія наша плавала по Финскому заливу и Балтійскому морю. Объ этомъ времени сохранились куплеты: „Нынче рѣдкій адмиралъ дальше Готланда бывалъ“. Мы, кадеты, пользовались офицерскимъ столомъ. Когда свѣжая провизія выходила, тогда обѣдъ состоялъ изъ одинаковыхъ трехъ блюдъ: горохъ, солонина и крутая каша. На слѣдующій годъ я служилъ на 84-хъ пушечномъ кораблѣ „Великій Князь Михаилъ“. Тогда уже была война, и Кронштадтъ находился въ блокадѣ отъ англо-французскаго флота, которымъ командовалъ адмиралъ Непиръ. Балтійскій нашъ боевой флотъ былъ парусный, а потому стоялъ на Кронштадтскомъ рейдѣ, не смѣя выходить въ море, гдѣ были грозныя винтовыя непріятельскія суда. Каждый вечеръ, на корабляхъ, стоящихъ на маломъ рейдѣ, играла музыка. Одновременный спускъ флага со всѣхъ судовъ представлялъ оживленную картину. Въ слѣдующемъ 1855 г., когда непріятельскій флотъ находился подъ командою адмирала Дондоса, русскій флотъ уже не вооружался, а для обороны береговъ выстроены были гребныя канонерскія лодки, на которыхъ находились ополченцы. Въ то время былъ выстроенъ первый винтовой корабль въ Россіи, называемый „Выборгъ“, на которомъ я служилъ. Этотъ корабль стоялъ все время въ гавани. Тогда же появились у насъ винтовыя канонерскія лодки, которыя были присоединены къ гвардейскому экипажу. Во время осмотра Кронштадта Государемъ эти лодки, числомъ шесть, сдѣлали вылазку на большой Кронштадтскій рейдъ. Навстрѣчу имъ отдѣлился фрегатъ отъ непріятельскаго флота. Съ обѣихъ сторонъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Наши винтовыя лодки повернули назадъ и направились къ Ораніенскому берегу. Тѣмъ дѣло и кончилось. Въ это время, не помню въ которомъ именно году, произошло приключеніе съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Онъ завелъ себѣ новый катеръ съ какимъ-то большимъ парусомъ. На этомъ катерѣ Князь сталъ кататься съ адъютантами на восточномъ Кронштадтскомъ рейдѣ. Вѣтеръ былъ западный. Когда шлюпка вышла на малый рейдъ, на открытое мѣсто, тогда порывомъ вѣтра ее опрокинуло, и всѣ очутились въ водѣ. Къ счастью, шлюпку сопровождалъ катеръ гвардей-

скаго экипажа. Этотъ катеръ и спасъ тонувшихъ людей, за исключеніемъ одного адъютанта князя Евгенія Голицына, котораго спасти не успѣли... Кажется, на новомъ катерѣ Великій Князь больше не катался. Утонувшій князь Голицынъ извѣстенъ изданіемъ книги: „Руководство къ практической навигаціи и мореходной астрономіи“. Эта книга, содержащая прекрасныя таблицы, была издана роскошно, и была посвящена русскому флоту. Воспитанники Штурманскаго училища получили это изданіе въ подарокъ. Книгу эту я сохранилъ у себя до сихъ поръ, хотя изъ морского вѣдомства давно уже вышелъ.

Великій Князь, повидимому, сознавалъ хорошо, какъ штурманскіе офицеры отлично знаютъ навигацію и мореходную астрономію. „Скажи“, обратился однажды Великій Князь къ штурманскому кадету, — „что ты лучше знаешь, компасъ, или Отче Нашъ“. — Тотъ отвѣчалъ: „Отче Нашъ“ — „Читай компасъ“ — сказалъ Великій Князь. Мальчикъ началъ перечислять румбы компаса: п, пто, ппо, потп... — Читай наоборотъ сказалъ Князь. Мальчикъ началъ: п, птв, ппв, пвтп... — „Довольно“, — сказалъ Князь. — „Читай Отче Нашъ“. Кадетъ началъ читать. Послушавъ часть молитвы, Князь остановилъ кадета и сказалъ: „читай наоборотъ“. Разумѣется, мальчикъ не могъ читать. — „Ну, вотъ видишь“, — сказалъ Князь, — „ты компасъ знаешь лучше, чѣмъ Отче Нашъ“.

Въ 1856 году я служилъ на пароходѣ фрегатъ „Рюрикъ“, на которомъ часто жилъ Великій Князь, генералъ-адмиралъ. Въ это время получилъ извѣстность вице-адмиралъ Шанць, шведъ или финляндецъ, по происхожденію. Онъ былъ большой оригиналь. Однажды офицеръ, идя подъ парусами на катерѣ, худо присталъ къ флагманскому кораблю, на глазахъ адмирала. Шанць сдѣлалъ выговоръ офицеру въ такихъ выраженіяхъ: „Это удивительно, мичманъ, а пристать не умѣете, надо азбуку учить. Моя Онеида (дочь адмирала) пристала бы лучше“. — На Свеаборгскомъ рейдѣ шлюпка, посланная утромъ въ Гельсингфорсъ за провизіею съ поваромъ, опрокинулась, и человекъ утонулъ. Адмиралъ отдалъ приказъ, чтобы всѣ шлюпки, отправляемыя на берегъ, ходили подъ парусами, дабы люди научились лучше управлять судами. Про Шанца рассказываютъ, что, будучи на купеческомъ суднѣ, онъ спросилъ хозяина, сколько тотъ положить ему жалованья, если онъ поступитъ къ нему на службу шкиперомъ. — „А ты полѣзешь на рею брать рифы“? — спросилъ хозяинъ. — „А ты почему знаешь, что я не полѣзу“, — возразилъ адмиралъ. Другой случай. Финляндское правительство было обязано строить въ извѣстные годы военное судно для русскаго флота. Приступая къ составленію проекта судна, сочли нужнымъ

пригласить Шанца участвовать въ этомъ трудѣ. Опредѣлили жалованье адмиралу Шанцу что-то 100 руб. въ мѣсяць. Адмиралъ согласился и затѣмъ сказалъ: „значить, съ сегодняшняго дня начинается отпускъ мнѣ этого жалованья“.—Ему возражали, что еще дѣло не начато.—„Ничего“, отвѣчалъ адмиралъ,—„но я началъ думать“.

Когда я служилъ на флотѣ, тогда ходилъ слѣдующій рассказъ о строгости Императора Николая I. Былъ Высочайшій смотръ въ Кронштадтѣ; дѣлалось парусное ученье. На одномъ кораблѣ, во время постановки парусовъ, матросы производили большой шумъ. Это замѣтилъ Императоръ, разсердился и приказалъ капитану корабля идти на марсъ. Приказъ былъ исполненъ, и капитанъ влѣзъ на марсъ. Высочайшій смотръ былъ оконченъ, Императоръ уѣхалъ въ Петергофъ, а провинившійся капитанъ остался на марсѣ. Но въ скоромъ времени пришелъ изъ Петергофа пароходъ и привезъ приказаніе Императора спустить капитана съ марса. Войдя къ себѣ въ каюту, капитанъ тотчасъ же подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы.

Не всегда однако воля Императора карала виновныхъ. Былъ смотритель какой-то больницы, сильно нажившійся. Въ то время не было разныхъ банковъ и коммерческихъ предпріятій, не находилось въ обращеніи множества акцій и облигацій, какъ въ наше время; поэтому человекъ, пріобрѣтавшій избытокъ денегъ, обращалъ ихъ на пріобрѣтеніе недвижимой собственности. Такое имущество трудно было скрыть отъ любопытныхъ; вслѣдствіе этого, богатство, пріобрѣтенное смотрителемъ, было всѣмъ извѣстно. Дошла вѣсть о разбогатѣвшемъ смотрителѣ до Императора. Государь приказалъ узнать: откуда у смотрителя явилось состояніе. Тотъ отвѣчалъ, что это состояніе принадлежитъ его женѣ, а не ему. Императоръ приказалъ спросить жену. Эта женщина, будучи не робкаго десятка, отвѣчала такъ:—„Скажите Государю, что отчетъ въ пріобрѣтеніи мною состоянія я дамъ Богу, а не ему“—Тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ 1856 году на Балтійскомъ флотѣ было уже много паровыхъ винтовыхъ канонерскихъ лодокъ для защиты Кронштадта. Генералъ-Адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, будучи либеральнаго образа мыслей, далъ такія названія новымъ канонерскимъ лодкамъ: Вѣдьма, Лѣшій, Русалка и т. п. Командиръ одной лодки пригласилъ священника отслужить молебенъ о благополучномъ плаваніи своей лодки. Узнавъ названіе лодки, священникъ наотрѣзъ отказался. Возникъ вопросъ: какъ тутъ поступить. Рѣшено было названіе лодки не упоминать въ молитвѣ, а говорить фамилію командира лодки. Свободный образъ мыслей Великаго Князя высказался и въ другомъ случаѣ, нѣсколько лѣтъ позже. Въ шестидесятыхъ годахъ было въ Петербургѣ засѣданіе какой-то важной

комиссіи съ участіемъ членовъ Святѣйшаго Синода. На этомъ засѣданіи Константинъ Николаевичъ предложилъ ввести въ Россію свободное вѣроисповѣданіе. На это предложеніе одинъ изъ епископовъ сказалъ: „если подобный законъ будетъ принятъ, то ты, Князь, не будешь ни благочестивѣйшимъ, ни благовѣрнымъ“. Предложеніе Князя было отвергнуто.

Въ первомъ Штурманскомъ полуэкипажѣ, гдѣ я воспитывался, существовалъ въ Николаевское время суровый порядокъ жизни. Вставали кадеты въ 5 час. утра; въ 7 часовъ уже начиналось классное ученіе и продолжалось до 11 часовъ. Послѣ классныхъ занятій, были строевыя занятія; въ часъ дня обѣдъ; отъ 3 до 6 час. опять классныя занятія; въ 8 час. ужинъ; въ 9 час. переключка, затѣмъ молитва, и кадеты ложились спать. Каждый день по 4 урока въ классахъ; преподаватели были большею частью штурманскіе офицеры. Въ лѣтнее время строевое ученіе шло на дворѣ: тутъ была маршировка тихимъ шагомъ, который предварительно изучался въ 3 приѣма. У насъ были въ употребленіи пистонныя ружья, но оставались еще и старыя, кремневыя. Не знаю, можно ли было стрѣлять изъ тѣхъ и другихъ. Патроновъ у насъ вовсе не было. Штурманскій полуэкипажъ составлялъ въ строевомъ отношеніи баталіонъ, но на царскомъ смотрѣ нашего баталіона никогда не было, хотя Императоръ Николай пріѣзжалъ ежегодно зимою въ Кронштадтъ. Обыкновенно Императоръ дѣлалъ смотръ флотскому баталіону въ манежѣ. Для сего смотра съ ранней осени выдѣлялся изъ разныхъ флотскихъ экипажей особый баталіонъ, который всю осень и зиму обучался исключительно фронтальному ученію, для предстоящаго царскаго смотра. Подобныя усиленныя упражненія скрывались отъ Государя, и ему докладывали, что на смотрѣ очередной флотскій баталіонъ.

Въ ротныхъ помѣщеніяхъ у насъ соблюдалась большая чистота. Паркетные полы часто натирались воскомъ; кровати были покрыты бѣлыми шерстяными одѣялами и двумя простынями. Я сохранилъ объ этихъ одѣялахъ хорошее воспоминаніе: ихъ часто мыли, и они всегда были бѣлы. Будучи за границей, въ Марсели, я купилъ себѣ подобное одѣяло и привезъ домой, въ Петербургъ. Всѣ были въ восхищеніи отъ этой покупки: бѣлое, блестящее покрывало было очень красиво. Но когда одѣяло загрязнилось и его вымыли, то вся шерсть слѣзла, и получилась вещь, никуда негодная, которую пришлось бросить. Вотъ и французское издѣліе!

Кормили кадетъ три раза въ день. Утромъ давали полубѣлую булку безъ всего; на обѣдъ было три блюда, а на ужинъ два. Чай намъ давали три или четыре раза въ годъ. Освѣщались ротныя

помѣщенія масляными лампами, а ночью сальными свѣчами, по одной на 2 комнаты. Эти свѣчи опускались въ высокіе мѣдные шандалы, наполненные водою; такъ что опасность пожара была вполне устранена. Ночью, въ комнатахъ былъ пріятный полумракъ, который, я полагаю, лучше нынѣшнихъ ночныхъ лампъ. Въ классахъ у насъ было освѣщеніе сальными свѣчами по одной свѣчѣ на три человека. Въ корпусѣ у насъ преподавалъ Законъ Божій священникъ, совсѣмъ необразованный. Весь курсъ закона Божьяго состоялъ въ ученіи наизусть краткаго катехизиса (начатки христіанскаго ученія) и пространнаго катехизиса. Преподаватель нашъ не зналъ, гдѣ находился рай, въ которомъ жили Адамъ и Ева. Подобное невѣжество было извѣстно кадетамъ, и тѣ спрашивали: „батюшка, гдѣ находился рай“. Отвѣтъ получался такой:—„Тамъ, въ теплыхъ странахъ“.—Года черезъ три или четыре, послѣ моего поступленія въ корпусъ, къ намъ прислали новаго священника, магистра, а прежняго освободили. Новый преподаватель расширилъ программу преподаванія, проходилъ богослуженіе, говорилъ проповѣди и пр. Этотъ священникъ былъ любознательный человекъ и даже заходилъ къ намъ въ астрономическую обсерваторію и смотрѣлъ на небесныя свѣтила.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II, начавшіяся государственныя реформы коснулись и нашего заведенія. Къ намъ пріѣзжали изъ Петербурга двѣ комиссіи: одна отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, другая отъ военнаго вѣдомства: въ послѣдней было 2 члена штатскихъ, изъ коихъ одинъ былъ извѣстный математикъ, академикъ Остроградскій. Это былъ мужчина высокаго роста, толстый. Учитель Харинъ вызвалъ меня къ доскѣ рѣшать какую-то задачу въ присутствіи академиковъ. Я рѣшилъ задачу хорошо, тогда Остроградскій задалъ мнѣ устную задачу, которую я рѣшить не могъ, тогда какъ товарищи, сидящіе на мѣстахъ, повидимому, рѣшили вопросъ легко. Послѣ того, Остроградскій сказалъ преподавателю: „задайте ему задачу потруднѣе“,—и вскорѣ вышелъ изъ нашего класса. Этотъ ученый, будучи, по происхожденію, малороссомъ, отзывался нехорошо про эту націю. „Малороссы вообще хитры и тупоумны“,—вотъ слова Остроградскаго.

Перемены въ нашемъ корпусѣ, съ новымъ царствованіемъ, были большія. Ночной сонъ нашъ продлился на цѣлый часъ. Прежде вставали въ 5 час., теперь начали вставать въ 6 часовъ. Классныя занятія сократились на часъ: прежде занятія начинались въ 7 час., теперь въ 8 часовъ. Припоминаю курьезный случай. Пришелъ къ намъ въ классъ преподаватель геометріи, человекъ не первой молодости.—„Вотъ“,—говорилъ онъ, „и получено распоряженіе о началѣ

классныхъ занятій въ 8 часова утра, вмѣсто 7, а начальство не приводитъ въ исполненіе этого распоряженія. А если бы приказали начинать классы въ 6 часовъ утра, то на другой же день было бы объявлено“.—По утрамъ намъ стали давать сбитень съ булкой, тогда какъ прежде давали одну булку. Послѣдовало улучшение въ одеждѣ. У кадетъ было три или четыре смѣны мундировъ, ежедневно носили самую дурную, старую одежду. Поступавшимъ въ корпусъ мальчикамъ-новичкамъ доставалась самая дурная одежда. Я помню, что, при поступленіи моемъ въ корпусъ, мнѣ дали мундиръ съ 16-тью заплатами. При новомъ царствованіи, самая низшая смѣна одежды была изъята изъ употребленія, и мы стали ежедневно носить мундиры лучшаго сорта. Вскорѣ состоялась перемѣна формы: вмѣсто однобортныхъ куртокъ, дали двухбортные кафтаны; красные суконные погоны были замѣнены бархатными съ краснымъ кантомъ. Было отмѣнено ученіе тихимъ шагомъ, въ три приѣма. Была введена гимнастика. Нашъ корпусъ получилъ названіе училища.

Преподавателемъ русской грамматики и русской словесности былъ у насъ Охотинъ, воспитанникъ духовной академіи. Онъ напечаталъ для насъ учебникъ русской словесности. Охотинъ рассказывалъ, что въ бытность его въ академіи, студенты начали переводить библію на русскій языкъ, конечно, тайкомъ. Однако начальство узнало объ этой преступной дѣятельности и отобрало всѣ написанные листы библіи. Было ли подвергнуто наказанію студенчество, не знаю; но помню, что Охотинъ рассказывалъ, какъ они, студенты, присягали въ томъ, что ни одного листа перевода библіи у нихъ не оставалось спрятаннымъ.

Въ послѣдніе годы Штурманскаго училища кадеты распредѣлялись на лѣтнее плаваніе по военнымъ судамъ Балтійскаго флота, гдѣ упражнялись въ навигаціи и мореходной астрономіи. Кадеты, помогая штурманскимъ офицерамъ, вели шканечный журналъ, дѣлали астрономическія наблюденія, вели исчисленія пути корабля, наблюдали за движеніемъ судовъ на рейдѣ и пр. Корпусная молодежь вообще съ охотою шла „въ кампанію“, такъ какъ жила она въ обществѣ офицеровъ и освобождалась отъ надзора корпуснаго начальства. А въ прежніе годы для плаванія штурманскихъ кадетъ назначалось особое парусное судно, носившее названіе „Нептунъ“. У меня сохранилась въ памяти та пѣсня, въ которой кадеты выражали свою морскую удаль. Вотъ она:

Вѣтеръ свищетъ, валъ крутится,
 Море пѣною кипитъ,
 Громъ грохочетъ, небо злится,
 По волнамъ „Нептунъ“ летитъ.

Но мы бури не боимся,
 Къ морю намъ не привыкать,
 Пусть бушуетъ, не страшимся,
 Штурманамъ не унывать.

Съ юныхъ лѣтъ знакомы съ моремъ,
 Нѣту трусовъ между насъ,
 Съ неудачею и съ горемъ,
 Мы поборемся не разъ.

Родители мои жили въ Петербургѣ, въ Коломнѣ. Одно время они нанимали квартиру въ домѣ богатаго купца. Какъ соблюдалась экономія у этого человѣка, видно было по маленькой тетрадоchkѣ, въ которую записывалась ежемѣсячная плата квартирантовыхъ денегъ,—первый листъ этой тетради представлялъ кусокъ стѣнныхъ обоевъ. Однажды покойная моя мать пошла къ хозяину дома, утромъ, по какому-то дѣлу. Представьте ея удивленіе, когда она увидала хозяйку дома, жену богатаго обывателя,—стирающею грязное бѣлье. Пораженная такою неожиданною картиною, моя покойная мать спросила купчиху, что ее заставило заняться такимъ дѣломъ. „Отъ нечего дѣлать, матушка, ради прогнанія скуки“,—былъ отвѣтъ купчихи.

Я помню холеру 1848 года въ Петербургѣ. Мы жили въ то время на Грязной улицѣ, нынѣ Могилевской. По этой улицѣ шла дорога черезъ Цѣпной мостъ на Митрофаніевское кладбище. Въ обыкновенное время, до холеры, погребальныя процессіи рѣдко двигались по этой улицѣ. Примѣрно, разъ въ недѣлю. Теперь же, каждый день провозили покойниковъ и по нѣсколько разъ. Эти погребальныя шествія производили тяжелое впечатлѣніе на обитателей улицы. Дроги обыкновенно шли безъ священника, потому, что духовенство, изъ боязни заразы, отказывалось отпѣвать и хоронить покойниковъ. Одна купчиха, жившая противъ насъ, по другую сторону улицы, заболѣла отъ страха и умерла. Я помню огромное количество мелкихъ насѣкомыхъ зеленого цвѣта, носившихся въ то время въ воздухѣ. У насъ была при домѣ стеклянная галерея, выходившая на дворъ, гдѣ я постоянно ловилъ и давилъ этихъ насѣкомыхъ. Никогда больше я не встрѣчалъ такого количества подобныхъ крылатыхъ тварей.

Въ томъ же году я былъ боленъ воспаленіемъ въ мозгу и долго пролежалъ въ постели. Вѣроятно, болѣзнь произошла отъ сильнаго ушиба головы, когда я упалъ съ качающейся лошади и ударился головою о полъ. Во время болѣзни меня безпокоили разныя видѣнія, отъ которыхъ я никакъ не могъ избавиться. Они были и днемъ, и

ночью. Я хорошо сознавалъ нелѣпость представляющихся картинъ, въ которыхъ иногда самъ бывалъ участникомъ. Чтобы избавиться отъ видѣній, я читалъ молитвы, закрывалъ глаза, но все было напрасно: видѣнія не исчезали. Они такъ сильно врѣзались въ мою память, что я ихъ помню до сихъ поръ, хотя прошло уже 60 лѣтъ. Другое замѣчательное обстоятельство,—это временное мое отвращеніе отъ родителей. Сперва я не переносилъ присутствія моего отца, а потомъ и матери. Едва только они подходили къ дверямъ комнаты, какъ я начиналъ кричать. Такъ продолжалось дня по два или по три. Затѣмъ, все пришло въ порядокъ, и я съ любовью цѣловалъ отца и мать.

Въ 1858 г. пароходъ фрегатъ „Рюрикъ“ отправился изъ Кронштадта въ Средиземное море въ годовичное плаваніе. На этотъ пароходъ было назначено 2 кадета изъ Штурманскаго училища, въ томъ числѣ былъ и я. Для моряковъ это плаваніе представляло большой интересъ, такъ какъ предстояла возможность познакомиться съ заграничною жизнью и увидеть прекрасное небо Италіи. Особенно обрадованы были мы, кадеты, коихъ было на пароходѣ 8 человекъ. Мы получали 56 руб. золотомъ въ мѣсяць на столъ, изъ коихъ 20 руб. выдавалось въ каютъ-компанію, а 36 руб. мы получали на руки, въ наше распоряженіе. Денегъ на пароходѣ тратить было некуда, а потому мы имѣли средства завести штатское платье, дѣлать разныя покупки и пользоваться береговыми развлечениями. Первый штормъ мы встрѣтили въ Балтійскомъ морѣ и первый валъ, вкатившійся на пароходъ, надѣлалъ много намъ хлопотъ, потому что вода влилась черезъ люки въ каютъ-компанію и на кубрикъ. Въ Англійскомъ каналѣ мы нашли много судовъ, а одинъ ботикъ надѣлалъ намъ тревогу; ночью, передъ самымъ носомъ, показался огонь, а до того шелъ безъ огня. Раздалась команда:—„право на бортъ“,—„лѣво на бортъ“—и, благодаря Богу, разошлись благополучно. У насъ былъ взятъ лоцманъ англичанинъ, представлявшій оригинальную фигуру: онъ все время жевалъ табакъ, отплевывался и выговаривалъ румбы компаса какимъ-то хрюканьемъ. Лоцманамъ платили большія деньги. За проводъ судна, около берега Англій, на разстояніи 10 миль лоцману даютъ 30 фунтовъ стерлинговъ. По дорогѣ въ Англійскій каналъ, мы заходили въ порты Киль и Готебергъ; обогнали на пути фрегатъ „Громобой“ и 21 октября пришли въ Брестъ, гдѣ пробыли 4 дня. Тутъ мы осматривали портъ, гавань и арсеналъ. Намъ показали, какъ паровой молотъ въ 150 пудовъ вѣсомъ раскололъ грецкій орѣхъ, доказательство искуснаго управленія молотомъ. Въ арсеналѣ намъ очень понравились колонны, пирамиды, цвѣты, букеты, сдѣланные

изъ сабель, ружей, пистолетовъ, палашей съ большимъ изяществомъ. При входѣ находится орелъ, метущій стрѣлы съ надписью: Аустерлицъ; вся эта фигура сдѣлана изъ сабель. Не помню, въ какомъ-то изъ городовъ я, дѣлая покупки, торговался въ цѣнѣ. Купецъ, видя предъ собою русскаго, сказалъ мнѣ: „у васъ 20 милліоновъ рабовъ, а вы торгуетесь изъ-за 2-хъ франковъ“. Тутъ я впервые услышалъ, что крѣпостныхъ нашихъ мужиковъ приравниваютъ къ рабамъ. Въ Брестѣ мы видѣли самый большой военный корабль французскаго флота, который не посылаютъ въ море, потому что онъ имѣетъ большой кренъ, а ходитъ прекрасно. Очевидно, это ошибочное созданіе французскихъ корабельныхъ инженеровъ. Въ 4 докахъ работало тогда 1.000 арестантовъ, ежедневная работа конхъ начинается въ 6 час. утра и продолжается до 6 час. вечера; полчаса удѣляется на обѣдъ.

Изъ Бреста мы перешли въ Лиссабонъ. По дорогѣ, въ Бискайскомъ заливѣ и у береговъ Пиренейскаго полуострова, мы выдержали въ теченіе 3 сутокъ большой штормъ: ревѣлъ южный вѣтеръ, пароходъ страшно качало; волны безпрестанно вкатывались на палубу и даже на мостикъ чрезъ кожуховые борта; кренъ доходилъ до 35 градусовъ. Въ Лиссабонѣ мы должны были выдержать двухдневный карантинъ, такъ какъ жители были напуганы желтою лихорадкою, занесенною сюда въ прошломъ году, въ первый разъ. На первыхъ дняхъ съ нашими офицерами произошло приключеніе: небольшая компанія поѣхала въ городъ, въ театръ. Вечеромъ за уѣхавшими былъ посланъ съ парохода катеръ. Къ ночи заревѣлъ штормъ, посланный катеръ не могъ держаться у пристани и возвратился назадъ. Выйдя изъ театра, офицеры наши долго искали катеръ, промокли на дождѣ и вынуждены были ночевать въ городѣ. На утро они наняли вольную шлюпку и заплатили болѣе 6 рублей, за переѣздъ къ пароходу на разстояніе меньше версты. На здѣшнемъ рейдѣ безпрестанно измѣняется направленіе теченія воды, вслѣдствіе прилива и отлива, скорость которыхъ доходила до 5 миль въ часъ. Сверхъ того, впадающая въ море рѣка весьма неправильно дѣйствуетъ на воды рейда.

8 ноября нашъ посланникъ дѣлалъ балъ для русскихъ офицеровъ; на этотъ балъ капитанъ взялъ двухъ гардемаринъ и меня. Число гостей было большое и очень разнообразное; танцы шли безпрерывно до 3 часовъ; въ мазуркѣ наши офицеры затмили прочихъ кавалеровъ своимъ искусствомъ. Меня удивило, что деревянный полъ въ залѣ былъ бѣлый, некрашенный. На Лиссабонскомъ рейдѣ мы простояли долѣе предположеннаго вслѣдствіе полученнаго поврежденія: ночью, нашъ пароходъ подрейфовало и натолк-

нуло на барку. Пришлось чиниться. Затѣмъ, задулъ свѣжій вѣтеръ, и пришлось отложить выходъ въ море до 16 ноября. Былъ я въ театрѣ и не видалъ на сценѣ красивыхъ женщинъ: ни въ оперѣ, ни въ балетѣ. Русскій консулъ въ Лиссабонѣ, плутоватый человекъ, содралъ съ капитана громадную сумму денегъ за небольшія починки парохода. Затѣмъ, намъ понадобился курительный табакъ для матросовъ, и консулъ доставилъ этотъ продуктъ, когда спросили цѣну, то оказалось 3 рубля за фунтъ. Капитанъ пришелъ въ ужасъ отъ дороговизны. Въ Кронштадтѣ простой табакъ стоилъ 10 коп. фунтъ. Предложили консулу взять назадъ привезенный табакъ, но онъ отказался, ссылаясь на таможенные правила, по которымъ запрещенъ ввозъ табаку. Однако, капитанъ настоялъ на своемъ, и табакъ былъ взятъ обратно. Захотѣли мы размѣнять русское золото на французское, консулъ выразилъ согласіе сдѣлать размѣнъ и сказалъ:—соберите побольше, я вамъ заплачу по 18^{1/2} франковъ за полуимперіаль. Мы, конечно, не согласились на подобное предложеніе, потому, что вездѣ намъ платили за русскій полуимперіаль 20 франковъ. Вотъ какъ русскій консулъ заботился о нашихъ интересахъ! Здѣсь кстати упомянуть о португальской мелкой монетѣ рейсъ. Въ то время нашъ рубль стоилъ 650 рейсовъ. Всѣ счета идутъ на рейсы: бутылка вина 1.440 рейсовъ; обѣдъ 12.000 рейсовъ и т. д.

Гибралтарскій проливъ, имѣющій ширины около 10 миль, мы проходили днемъ и направили курсъ на Малагу. Были уже близко къ цѣли, какъ пошелъ дождь и сдѣлалось пасмурно. При такихъ условіяхъ нельзя было входить въ незнакомый портъ, и капитанъ рѣшилъ продержаться ночь въ морѣ. А тутъ заревѣлъ западный вѣтеръ изъ Гибралтара, поднялась буря; валы ходили черезъ верхнюю палубу, кренъ доходилъ до 25° градусовъ, пароходъ несло бокомъ; руль дѣйствовалъ очень слабо. Смѣнившись въ полночь съ вахты, я однако не могъ уснуть отъ качки, хотя былъ очень утомленъ. Къ утру стихло; пошли снова въ Малагу. Подошли къ берегу; идемъ, идемъ и все нѣтъ порта. Не помогъ намъ и лоцманъ, взятый изъ Англіи. Испанскій берегъ высокій, однообразный, отличительныхъ знаковъ никакихъ нѣтъ, глубина вездѣ большая. На счастье, встрѣтили какого-то рыболова, и тотъ намъ сказалъ, что мы уже прошли Малагу. Вернулись назадъ, но засвѣтло не успѣли войти въ портъ и провели ночь опять въ морѣ. Въ Малагѣ мы встали за моль, ошвартовались и провели стоянку въ спокойномъ состояніи. Въ этомъ портѣ защищать наши интересы принялъ на себя французскій консулъ, такъ какъ русскаго консула тамъ не было. Этотъ консулъ сдѣлалъ для насъ *soirée dansante*, на кото-

ромъ вмѣстѣ съ офицерами были одинъ гардемаринъ и я. Танцевали по ковру. По обычаю здѣсь ангажируютъ на весь танецъ. Всѣ дамы говорили по-французски. Было очень весело. Любезный хозяинъ угощалъ насъ 25-ти лѣтней малагой, въ которой я однако мало понялъ толку. Здѣсь я купилъ себѣ 2 ящика великолѣпнаго сухого винограда за 5 франковъ. Климатъ здѣсь очень теплый. Родители мои, проживавшіе въ Петербургѣ, очень удивились, узнавъ изъ моего письма, что наши матросы здѣсь купались. Надо замѣтить, что Малага южнѣе Алжира.

Изъ Малаги мы перешли въ Барселону. Такого большого города мы еще не видали: улицы прекрасныя, бульваръ великолѣпный, магазиновъ бездна, вездѣ мраморъ. Взяли билеты въ оперу, а произошла перемѣна: вмѣсто оперы шла комедія. Мы остались смотрѣть испанскую комедію. Былъ въ большомъ театрѣ, гдѣ слушалъ оперу „Норму“. Оркестръ въ театрѣ хорошій, но декорации хуже петербургскихъ. За кресло въ 3-мъ ряду я заплатилъ 12 реаловъ, что составляло тогда 84 копѣйки. Ѣздили мы за городъ, гдѣ видали садъ для гуляній и маленькій звѣринецъ. Осматривали арену, гдѣ бываетъ бой быковъ. Кофейныя здѣсь прекрасныя и берутъ недорого: чашка кофе—1 реаль, рюмка малаги—тоже. Реаль равнялся 7 копѣйкамъ. Къ кофею обыкновенно подаютъ ромъ и воду; но мы не употребляли ни того, ни другого. Въ бытность нашу въ Барселонѣ, къ намъ пріѣзжала европейская знаменитость, фокусникъ Боско. Штуки, которыя онъ выдѣлывалъ съ картами и золотою монетою,—удивительны. Онъ попросилъ у насъ икры, которую ему дали. Такой икры здѣсь не достанешь на вѣсь золота. Вѣроятно, этотъ продуктъ послужилъ ему матеріаломъ для какого-нибудь особеннаго фокуса.

Изъ Барселоны пароходъ нашъ перешелъ въ Вилла-Франку, а оттуда вмѣстѣ съ русскою эскадрою въ Тулонъ. Здѣсь стояла французская эскадра; при прохожденіи Великаго Князя, который имѣлъ свой флагъ на „Громобой“, французскіе моряки были посланы на рей и кричали „ура“. Въ Тулонѣ Великій Князь перешелъ на нашъ пароходъ, и мы пошли на другой день въ Марсель. Тутъ мы встали у самой береговой пристани. Утромъ пріѣхали изъ города военные и гражданскіе чины для представленія Великому Князю. Я стоялъ на мостикѣ и съ интересомъ наблюдалъ за прибывшими. Разнообразіе мундировъ было большое. Изъ всѣхъ выдѣлялся католическій епископъ. Но, по моему мнѣнію, форма русскихъ моряковъ красивѣе французскихъ. Скажу безъ пристрастія, что въ группѣ собравшихся на палубѣ лицъ Великій Князь былъ изящнѣе всѣхъ.

Небольшой портъ Вилла-Франка расположенъ вблизи города Ниццы; а какъ въ этомъ порту часто стоялъ нашъ пароходъ, то я побывалъ въ названномъ городѣ, который въ то время принадлежалъ Сардинскому королевству. Городъ отличался своею тихою жизнью, прекраснымъ климатомъ и былъ богатъ цвѣтами. Жизнь въ Ниццѣ была вчетверо дешевле петербургской.

Въ Вилла-Франкѣ у насъ на пароходѣ убился мальчикъ. Этотъ несчастный случай произошелъ такимъ образомъ. Къ намъ приѣзжала съ берега прачка брать офицерское бѣлье, иногда она съ собою привозила своего сына—ребенка лѣтъ 4—5. Однажды эта женщина уѣхала домой, а ребенка оставила на пароходѣ. Былъ хорошій солнечный день, палуба была почти пустая; ребенокъ полѣзъ на ванты и, поднявшись аршина на три, оборвался и упалъ на палубу, ударившись головой о доски. Не было ни капли крови, ребенокъ былъ мертвъ. Возвратившаяся мать, при видѣ мертваго сына, сильно плакала и рыдала. Черезъ нѣсколько дней ей была вручена значительная сумма денегъ, кажется, франковъ 150, пожертвованная нашими офицерами.

Въ Тулонѣ, не помню, когда именно, произошелъ слѣдующій случай. У насъ на пароходѣ составилъ небольшой струнный оркестръ изъ молодежи-любителей. Какъ-то днемъ, въ хорошую погоду, наши музыканты были на палубѣ. Случайно проходилъ мимо французскій катеръ съ арестантами. Нашъ оркестръ заигралъ марсельезу. Арестанты, услышавъ этотъ революціонный гимнъ, пришли въ волненіе и начали кричать. На другой день пришлось давать объясненія французскимъ властямъ, по поводу вчерашняго инцидента.

29 декабря 1858 года мы были въ Генуѣ, куда зашли, укрываясь отъ сильнаго вѣтра. Въ началѣ января мы пришли въ Чивита-Веккію. Эта гавань Рима была въ то время занята французами. Они продолжали возводить фортификаціонныя постройки. Хотя городъ маленькій, но есть театръ, гдѣ мѣсто въ партерѣ стоило 16 коп. Сообщеніе съ Римомъ было въ дилижансахъ, такъ какъ желѣзная дорога не была еще готова. У насъ на пароходѣ въ этотъ рейсъ была Великая Княгиня Екатерина Михайловна, сильно боящаяся морской качки, а потому Княгиня не выходила на верхнюю палубу, а все больше лежала у себя въ каютѣ, въ всячей койкѣ.

11 января 1859 г. мы пришли въ Палермо, гдѣ были уже русскія военныя суда. Городъ богатый, но роскошныхъ магазиновъ нѣтъ. Я былъ въ соборѣ, который внутри обложенъ мраморомъ. Мнѣ понравились въ немъ разные букеты, стоящіе передъ образами и

сдѣланные изъ раковинъ. Мы посѣтили катакомбы, въ которыхъ сохранилось нѣсколько тысячъ скелетовъ, одѣтыхъ, кто въ ветхихъ, а кто въ новыхъ костюмахъ. Хотя въ катакомбахъ и свѣтло, но какъ-то страшно было смотрѣть на мертвецовъ, построенныхъ въ ряды при стѣнахъ. Мы вдвоемъ поднимались на ослахъ въ Monte-Piligrino, гдѣ спасалась св. Розалія, мощи которой находятся въ Палермо. Гротъ св. Розаліи довольно большой. На томъ мѣстѣ, гдѣ эта святая умерла, поставлена статуя и теплятся 2 лампы. Тутъ же находится мужской монастырь. Изъ Палермо мы ходили съ Великимъ Княземъ въ г. Мессину на короткое время. Тамъ Великій Князь осматривалъ 135 пушечный корабль „Цесаревичъ“, и мы скоро вернулись въ Палермо. Въ Мессинскомъ проливѣ встрѣчается спорное теченіе, довольно сильное и опасное для парусныхъ судовъ, которыя выбрасываетъ на берегъ. Это Сцилла и Харибда у древнихъ. 1-го февраля на корабль „Ретвизанъ“ былъ *dejeuner dansant* съ 1 часу до 10 часовъ. Гостей было много. Этотъ балъ посѣтили Великіе Князь и Княгиня и принимали участіе въ танцахъ.

13 февраля нашъ пароходъ пошелъ въ Мальту, гдѣ находились русская и англійская эскадры. Мы стали на якорь въ гавани Ла-Валета. Эта гавань очень большая и превосходная. Городъ построенъ на горѣ. Я осматривалъ здѣшній соборъ, въ коемъ погребены мальтійскіе рыцари; весь полъ собора покрытъ рыцарскими гербами, сдѣланными мозаикой. Стѣны мѣстами покрыты ланисъ-лазурью и серебряными украшеніями. Посѣщеніе собора вышло неудачно для меня. Было темно; свѣча свѣтила слабо; а потому я плохо видѣлъ. Выходя изъ собора, я, по ошибкѣ, далъ проводнику золотую монету 5 руб., вмѣсто серебряной однофранковой монеты. Въ Ла-Валетѣ я хотѣлъ себѣ купить цилиндръ или круглую шляпу французскаго фасона; но ни того, ни другого я не нашелъ: всѣ показываемые мнѣ цилиндры и шляпы были англійскаго фасона.

Изъ Мальты мы пошли съ русскою эскадрою въ Палермо. Здѣсь, въ наступившемъ великомъ посту мы всѣ говѣли. Совершенно неожиданно, въ ночь на 5 марта мы вышли изъ Палермо и пошли въ Чевитта-Веккію. По дорогѣ узнали, что Великій Князь получилъ депешу отъ Государя отправить пароходъ въ распоряженіе прусскаго короля. Великій Князь назначилъ нашъ пароходъ, а такъ какъ король находился въ Римѣ, то мы и пошли въ Чевитта-Веккію. Какъ только пришли въ этотъ портъ, такъ тотчасъ капитанъ съ 3 офицерами отправился въ Римъ представиться прусскому королю. По возвращеніи капитана, нѣкоторые изъ насъ пытались получить разрѣшеніе ѣхать въ Римъ, но капитанъ рѣшительно отказалъ въ отпускѣ. 28 марта задулъ сирокко, и нельзя было и думать выйти

въ море: вѣтеръ развилъ сильное волненіе. Чтобы удержать пароходъ на мѣстѣ, мы завезли съ кормы 14 кабельтовъ. Ночью 2 цѣпныхъ швартова лопнули, и мы, стоя на мѣстѣ, развели пары, чтобы спасти нашъ пароходъ отъ гибели. Мы ожидали, что скоро желѣзная дорога будетъ готова и тогда легко будетъ съѣздить въ Римъ. Говорили, что первый поѣздъ пойдетъ 19 марта, однако это предположеніе не оправдалось. 13 марта я былъ на берегу и смотрѣлъ здѣшнюю церковную процессію по случаю праздника Благовѣщенія. Впереди несли нѣсколько фонарей, затѣмъ распятіе, еще распятіе, огромный крестъ, опять распятіе, еще что-то и въ заключеніе Богоматерь съ Сыномъ, сдѣланныя изъ воску. Тутъ шло духовенство и полицмены съ ружьями и въ шляпахъ. Меня очень удивило, что полицейскіе входятъ въ храмъ со шляпами на головахъ и съ ружьями. Передъ окончаніемъ процессіи, одинъ монахъ говорилъ народу проповѣдь, продолжавшуюся битый часъ. Впослѣдствіи мы узнали, что военная стража всегда сопровождаетъ папу при богослуженіи; при чемъ люди входятъ въ храмъ съ касками на головахъ, съ примкнутыми штыками къ ружьямъ, держа обнаженные сабли. Такъ стража подходитъ къ алтарю. Намъ объяснили, что подобная охрана нужна потому, что въ числѣ молящихся бываетъ много невѣрующихъ, со стороны коихъ можно ожидать разныхъ насилій и оскорбительныхъ дѣйствій... Въ Чевитта-Веккии стоитъ французскій гарнизонъ; и я замѣтилъ, что солдаты этого гарнизона совсѣмъ не набожны. Когда процессія обходила городъ, то при проносѣ распятія всѣ снимали шляпы; солдаты же не снимали своихъ картузовъ и держали руки въ карманъ. Когда на улицѣ появлялась несомая Мадонна, то всѣ падали на колѣни; солдаты же оставались совершенно безучастными къ этой святынь. Изъ Чевитта-Веккии мы пошли съ Великою Княгинею Марією Николаевною въ Марсель. Съ Княгинею былъ графъ Строгановъ—человѣкъ очень любезный. Онъ много бесѣдовалъ съ офицерами, совершенно по-дружески. Меня поразила одна фраза, имъ сказанная: „вотъ, не было печали, черти накачали“. Такой фразы я не ожидалъ слышать изъ устъ аристократа. Съѣхавъ въ Марсели на берегъ, Великая Княгиня выразила свое удовольствіе за прекрасный переѣздъ по морю.

Не помню, въ которое изъ посѣщеній Марселя, мнѣ пришлось ходить по магазинамъ съ нашимъ монахомъ, который захотѣлъ купить себѣ шелковой матеріи на рясу. И что же,—мы были въ 3-хъ или 4-хъ лучшихъ магазинахъ и не нашли такой матеріи, какая была одѣта на монахѣ. Намъ показывали все тонкія матеріи, а монаху нужна была толстая; таковыхъ матерій въ продажѣ не было. Приказчики намъ объяснили, что черныя шелковыя матеріи носятъ

дамы, которыя не любятъ грубыхъ толстыхъ издѣлій, а предпочитаютъ тонкіе образцы: такъ нашъ монахъ и остался безъ покупки.

Въ концѣ марта нашъ пароходъ пошелъ въ Неаполь, гдѣ мы застали русскую эскадру. Неаполь славится красотой своего мѣстоположенія: расположенный амфитеатромъ, на берегу большого залива, подъ прелестнымъ голубымъ небомъ, городъ и огнедышащій Везувій всегда привлекаютъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ. „Видѣть Неаполь и умереть“—гласитъ мѣстная поговорка. У насъ на пароходѣ молодежь распѣвала романсъ, въ которомъ говорилось: „Неаполь, безпечный и странный, горитъ милліардомъ огней“. Я осматривалъ городъ; былъ на королевской виллѣ, мѣсто общаго гулянья; слушалъ оперу „Травиата“ и былъ въ звѣринцѣ. Тамъ животныхъ не много, но меня удивилъ укротитель, который ходилъ къ звѣрямъ и распоряжался львами, какъ ягнятами. 3-го іюля прусскій король прибылъ къ намъ на пароходъ, и мы отвезли его въ Амальфу — мѣстечко, недалеко отъ Неаполя. Тутъ произошла ошибка: по винѣ лодмана, мы высадили Его Величество не тамъ, гдѣ предполагалось. Стоянкою въ Неаполѣ мы воспользовались, чтобы посѣтить Помпею. Мы втроемъ наняли коляску за 3 піастра и поѣхали въ этотъ старый городъ. Ъхали 1½ часа по безконечной улицѣ, обставленной домами и садами. Ландшафты были великолѣпныя, и мы много восхищались красивою мѣстностью. Въ то время Помпею окружалъ большой земляной валъ. При входѣ, насъ встрѣтилъ проводникъ, говорящій по-французски. Войдя на валъ, мы увидали множество столбовъ и стѣнъ этого погребеннаго подъ пепломъ города. Въ Помпеѣ множество площадей и храмовъ. Самая большая площадь (Правосудія) окружена рядами столбовъ и на одномъ концѣ было мѣсто судьи. Узенькія улицы вымощены камнями; тротуары нѣсколько возвышены. Дома вообще одинаковыя. Видали театръ, имѣющій 2 этажа съ небольшою сценою. Самое большое зданіе—это амфитеатръ, похожій на видѣнный нами въ Барцелонѣ. Солдатъ, стоявшій на часахъ у входа, увидѣвъ насъ, преспокойно положилъ ружье и пошелъ показывать намъ это зданіе. При входѣ, эхо повторяло три раза человѣческой голосъ. На верхнемъ ряду зданія отведены мѣста для дамъ; особыя мѣста устроены для консуловъ. Во многихъ домахъ стѣны разрисованы картинами, которыя попорчены сыростью. На поляхъ сохранилась мозаиковая работа, представляющая очень красивыя узоры. Городъ Помпея былъ окруженъ широкою стѣною, за которою находилось кладбище, также отрываемое. Въ концѣ города отрыли домъ Діомида, самый большой изъ открытыхъ. Въ подвалѣ этого дома было найдено 17 труповъ. Возвращаясь назадъ въ Неаполь, мы заѣхали въ Геркуланумъ.

Часть этого города залита лавою, представляющею твердость крѣпкого камня; а потому отрытіе города представляетъ большую трудность. Открыли существованіе Геркуланума случайно: начали строить колодезь и попали въ театръ. Въ то время отрыта была только небольшая часть театра. Проводникъ солдатъ роздалъ намъ свѣчи и повелъ внизъ. — Мы спускались довольно долго и, наконецъ, очутились въ корридорѣ театра. Кругомъ насъ была твердая, застывшая лава. Мѣстами слой лавы надъ городомъ имѣетъ 80 фѣт. толщины. Когда мы были внизу, наверху, по землѣ, ѣхалъ экипажъ. Стукъ этого экипажа раздавался въ нашихъ ушахъ, какъ громовой раскатъ.

Мы простояли на Неаполитанскомъ рейдѣ нѣсколько дней, и я имѣлъ случай осмотрѣть знаменитые гроты. Мы вдвоемъ съ товарищемъ наняли коляску въ Байю. Дорога идетъ къ горѣ Посилипо, сквозь которую пробить проходъ, длиною около версты. Проходъ этотъ освѣщается фонарями. Далѣе, дорога сворачиваетъ съ шоссе и идетъ по песчаной тропинкѣ. Часа черезъ полтора мы въѣхали на небольшую прелестную равнину, имѣющую озеро и окруженную со всѣхъ сторонъ зелеными горами. Трудно представить пейзажъ болѣе живописный. Какъ только мы сошли съ коляски, насъ встрѣтилъ чичероне и предложилъ услуги. Осмотръ начался съ извѣстной Собачьей пещеры. Проводникъ отворилъ дверь въ маленькую лазейку. Явилась женщина съ собакою и объявила, что если мы хотимъ видѣть, какъ будетъ задыхаться собака, то должны заплатить 6 карлинъ. Мы, конечно, согласились и видѣли, какъ задыхается собака и какъ, наконецъ, ее выбросили едва живую на воздухъ. Я бросилъ на землю франкъ, и чичероне поднялъ монету зубами съ земли, обративъ франкъ въ свою пользу. Онъ намъ сообщилъ, что собака можетъ прожить въ пещерѣ 3 минуты, а человѣкъ 7 минутъ. Потомъ чичероне повелъ насъ къ озеру и указалъ мѣсто, откуда постоянно поднимается газъ амміакъ, и пояснилъ, что вода на днѣ озера теплая. Тутъ же обратилъ наше вниманіе на зеленыхъ лягушекъ, прибавивъ, что ихъ можно ѣсть. Затѣмъ, насъ привели къ другой пещерѣ, гдѣ съ земли поднимается углекислота. Солдатъ отворилъ дверь и предложилъ намъ попробовать шампанскаго. Солдатъ сѣлъ на корточки и сталъ махать рукою газъ себѣ въ ротъ. Я сдѣлалъ то же самое; но какъ только нагнулъ и махнулъ рукою, какъ газъ бросился мнѣ въ ротъ, носъ, уши, глаза, и я ошалѣлъ. Ощущеніе было похоже, какъ отъ выпитаго шампанскаго или лимонада газесъ. Послѣ того, намъ показывали какія-то развалины, далѣе указали мѣсто, гдѣ постоянно находится горячая сѣра и поднимается какой-то газъ.

Этимъ окончился осмотръ сѣрной долины, и мы поѣхали назадъ тою же дорогою. На пути мы осматривали гробницу Виргилія. Тутъ я замѣтилъ, какъ итальянцы выманиваютъ деньги у посѣтителей. Одинъ человѣкъ отворяетъ дверь и проситъ уплаты, слѣдующую дверь отворяетъ другой человѣкъ и проситъ за трудъ. Затѣмъ, особый проводникъ ведетъ къ осматриваемому мѣсту за особую плату; да сверхъ того, этотъ человѣкъ проситъ на водку, или на макароны.

Стоянка на Неаполитанскомъ рейдѣ была самою пріятною: мы видали такъ много новыхъ предметовъ и получили впечатлѣніе на всю жизнь. Почти всѣ закупили себѣ разныхъ мелкихъ вещей изъ лавы; а я кромѣ того купилъ двѣ картины, писанныя масляными красками по полотну. Картины изображаютъ видъ Неаполитанскаго залива съ городомъ и Везувіемъ. Эти двѣ вещи до сихъ поръ сохранились у меня въ цѣлости, хотя висятъ на стѣнѣ безъ стеколъ.

Изъ Неаполя мы вышли 6 апрѣля и пошли съ прусскимъ королемъ въ Чевита-Веккію, гдѣ король съѣхалъ на берегъ и уѣхалъ въ Римъ, а пароходъ нашъ остался въ гавани. Мы, воспитанники, получили отпускъ и въ числѣ 6 человѣкъ поѣхали въ Римъ по желѣзной дорогѣ, которая на этотъ разъ была готова. Въ вѣчномъ городѣ трудно было намъ найти помѣщеніе по нашимъ средствамъ. Была Пасха, и городъ былъ наполненъ иностранцами; свободныхъ комнатъ въ гостиницахъ не было. На счастье, намъ пришло въ голову обратиться въ русскую церковь за помощью. Дьяконъ и причетники согласились намъ помочь. Отстоявъ всюнощную, мы всей компаніей отправились искать квартиру и скоро нашли три комнаты съ постелями и мебелью на 2 сутокъ за 7 скуди или 38 франковъ. Эта плата была очень дешевая. Помѣстившись въ комнатахъ, мы тотчасъ пошли смотрѣть храмъ св. Петра. Съ перваго взгляда, это знаменитое зданіе вовсе не представляется такимъ громаднымъ, какимъ оно есть. Да и наружный видъ ничѣмъ не привлекаетъ къ себѣ вниманія, какъ напримѣръ Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ. Кажется, просто старинное старое зданіе. Но когда войдешь въ соборъ, тогда начинаешь понимать гигантскіе размѣры зданія. Я былъ въ немъ три раза и измѣрялъ его шагами. Длина собора 250 шаговъ, ширина у входа 130 шаговъ. На полу сдѣланы нѣсколько отмѣтокъ о длинѣ другихъ зданій. Я запомнилъ отмѣтку длины собора св. Павла въ Лондонѣ. По срединѣ храма находились мощи апостола Петра и надъ ними сдѣланъ алтарь. Надъ алтаремъ сдѣлана сѣнь (балдахинъ), которая кажется игрушечкой въ сравненіи съ соборомъ. Между тѣмъ, высота креста, вѣнчающаго сѣнь, равна

высотѣ зимняго дворца въ Петербургѣ. Это свѣдѣніе намъ сообщилъ нашъ соотечественникъ. Въ переднемъ углу собора сдѣлано большое возвышеніе и тамъ стоитъ стулъ, на которомъ, по преданію, сидѣлъ апостоль Петръ. Стула этого однако не видать. Между этимъ возвышеніемъ и алтаремъ устроено мѣсто для папы, гдѣ онъ сидитъ во время богослуженія и куда ему приносятъ св. дары. Извѣстно, что соборъ св. Петра строился очень долго; начатъ онъ былъ въ 1506 году. На площади передъ соборомъ находятся громадныя колоннады, похожія на колоннады передъ Казанскимъ соборомъ въ Петербургѣ. Тутъ же устроены 2 большихъ фонтана и поставленъ обелискъ. Рассказываютъ, что во время постановки обелиска строжайше было запрещено ѣздить и громко говорить, дабы ничто не мѣшало слышать команду архитектора. Когда установка была приведена къ концу, оказалось, что канаты были коротки, и архитекторъ пришелъ въ отчаяніе, потому что приходилось начинать работу снова. Въ эту критическую минуту, находящійся тутъ мужикъ закричалъ:—„намочите канаты, и они будутъ длиннѣе“.—Это указаніе было исполнено, и обелискъ благополучно былъ поставленъ на мѣсто; мужикъ же, испугавшись своей дерзости, убѣжалъ и скрылся. Однако его отыскали и предложили ему указать награду, какую онъ желалъ бы получить. Мужикъ выговорилъ себѣ монополию на продажу вербъ въ извѣстный день; чрезъ это право онъ вскорѣ разбогатѣлъ и сдѣлался милліонеромъ.

Вечеромъ, въ первый день Пасхи, была по обыкновенію, иллюминація собора. Весь соборъ отъ креста до основанія, а также балюстрады колоннъ были покрыты огнями. Ровно въ 8 часовъ происходила перемѣна огня: мелкіе огни замѣнялись крупными. Вся эта перемѣна безчисленнаго множества огней была произведена въ нѣсколько секундъ. Надо вѣдь знать, что въ то время электрическаго освѣщенія вовсе не существовало, а потому эта перемѣна требовала много искусства. Для зажиганія огней посылаются особые люди, а человекъ, который лѣзетъ на самый верхъ собора, подъ крестъ, всегда бываетъ одинъ и тотъ же; онъ получаетъ хорошее вознагражденіе, и никто этого заработка отъ него не отнимаетъ. Мы, рускіе, полюбопытствовали узнать, какъ велико это вознагражденіе и опредѣляли его: въ полскуди, одно скуди (5½ франковъ), 2 скуди и получали отрицательный отвѣтъ. Оказалось, мы впали въ преувеличеніе: плата ловкому человеку была всего 2 паола, около 30 коп.

На слѣдующій день, къ намъ на квартиру явился аббать S. и предложилъ намъ свои услуги, въ качествѣ чичероне. Аббать думалъ сперва, что приѣзжіе—англичане, но, узнавъ, что мы утромъ

потребовали сливокъ, догадался, что мы—русскіе. Онъ отказался отъ всякаго денежнаго вознагражденія и ѣздилъ съ нами по городу совершенно бесплатно. Сперва мы хотѣли, въ сопровожденіи аббата, подняться на куполь св. Петра, но насъ туда не пустили. Проѣзжая по улицамъ, мы встрѣтили огромную духовную процессію, въ которой было болѣе 200 монаховъ. Тутъ намъ бросились въ глаза какія-то особыя хоругви, имѣющія видъ остроугольныхъ палатокъ. По объясненію аббата, эта процессія была небольшая. Изъ собора мы отправились въ Ватиканъ. Это старинный папскій дворецъ, состоящій изъ огромнаго количества домовъ, не имѣетъ единства и правильности. Въ немъ считается 22 двора и 11.000 комнатъ. Въ этомъ зданіи хранятся сокровища живописи и скульптуры. Мы поднялись по парадной лѣстницѣ съ огромнаго папскаго двора въ покои папы. Лѣстница сдѣлана вся изъ мрамора. Первая комната—зало швейцарцевъ, украшенная мозаиковыми картинами. При входѣ въ зало, мы встрѣтили знаменитаго кардинала Антонели, который управлялъ всѣми дѣлами. Это красивый и стройный мужчина. Его итальянцы ненавидятъ, грозятъ ему смертью, и въ 1858 году было покушеніе на его жизнь въ этомъ самомъ залѣ. Насъ поразилъ нарядъ швейцарцевъ—папской гвардіи. Люди эти имѣютъ одежду, сшитую изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ матеріи: синей, желтой, красной. По нашему понятію—это шутовскій нарядъ, а по мнѣнію итальянцевъ—это живописный костюмъ Микель Анджело. На головахъ каски, похожія на наши гвардейскія, а оружіе—какая-то старинная алебарда. Дальше этой залы насъ не пустили, потому что тамъ былъ папа. Отсюда мы отправились въ мастерскую мозаиковыхъ картинъ. Искусство, въ которомъ изготовляются картины—удивительно. Произведеніями этой мастерской папа дѣлаетъ подарки разнымъ государямъ. При насъ изготовляли портреты папъ для церкви св. Павла. Потомъ мы отправились въ Капитолій. Въ этомъ святилищѣ древняго Рима собраны различныя древнія статуи. На меня произвела особое впечатлѣніе статуя Геркулеса, сдѣланная съ удивительною правильностью и изяществомъ.

Затѣмъ, мы поѣхали въ Колизей. Это—остатки громаднѣйшаго амфитеатра-цирка, въ которомъ давались въ древности спектакли. Здѣсь шли бои гладіаторовъ; христіанскіе мученики травились дикими звѣрями; здѣсь же происходили морскія сраженія. Аббатъ нашъ сильно прихвастнулъ, сказавъ, что въ Колизей помѣщалось 3 милліона человѣкъ. Могла помѣститься тридцатая часть этого огромнаго числа. Надо прибавить, что аббатъ считалъ въ древнемъ Римѣ 5 милліоновъ жителей. Около Колизея есть *forum romanum*, гдѣ въ древности цари и консулы принимали пословъ и подписывали

смертные приговоры. Теперь эта площадь называется коровьимъ полемъ.

Изъ Колизея мы поѣхали въ монастырь Капуциновъ, находящійся за городомъ. Дорога къ монастырю идетъ по улицѣ Апія, которая была главная въ древнемъ Римѣ и простиралась совершенно по прямой линіи 14 миль. По обѣимъ сторонамъ дороги гробницы древнихъ римлянъ. Монастырь Капуциновъ имѣетъ небольшую церковь въ землѣ, гдѣ совершали богослуженіе первые христіане. Въ этой церкви показываютъ величину слѣда Спасителя. Отъ этой церкви идутъ подземныя помѣщенія, гдѣ спасались первые христіане. Подземные ходы идутъ даже подъ городомъ Римомъ. При открытіи этихъ ходовъ было найдено много мощей. Намъ показывали ходъ, который ведетъ къ морю и въ которомъ недавно погибло нѣсколько заблудившихся путешественниковъ. Теперь этотъ ходъ закрытъ, по приказанію папы. На возвратномъ пути изъ монастыря, мы осмотрѣли гробницу Сицилія Метелла, которая представляетъ огромное полуразрушенное зданіе. Далѣе, мы видѣли гротъ Нимфъ Егерій, а потомъ бани Каракаллы. Это остатки огромнаго зданія, гдѣ были устроены большія залы для купанія императоровъ, консуловъ, а потомъ и для народа. При баняхъ было много комнатъ, въ которыхъ жили императоры по цѣлымъ недѣлямъ. Теперь, остались только стѣны, около которыхъ растутъ кусты розъ. Послѣ того, мы видѣли зданіе, гдѣ сожигались трупы умершихъ и сохранялся ихъ пепель. Въѣзжая въ городъ, мы мимоходомъ видали древній фонтанъ, а затѣмъ зашли въ храмъ богини Весты. Въ этомъ небольшомъ зданіи, теперь обращенномъ въ часовню, жили весталки. Подъ зданіемъ находится подземелье, куда сажали весталокъ, невыполнившихъ обѣта цѣломудрія. Въ подземельѣ, находились змѣи. Потомъ мы осмотрѣли Пантеонъ. Это величественное древнее зданіе имѣетъ въ вершинѣ купола большое отверстіе, которымъ освѣщается. Прежде Пантеонъ былъ посвященъ всѣмъ богамъ; поэтому во время нашего вѣствованія варваровъ на Римъ, имъ говорили, что здѣсь находится и вашъ богъ. Вотъ причина, по которой зданіе это сохранилось отъ грабежа и разрушенія и представляетъ, по словамъ аббата, самое древнее зданіе въ мірѣ. Теперь, Пантеонъ обращенъ въ церковь и имѣетъ нѣсколько алтарей.

Осмотрѣвъ Пантеонъ, мы поѣхали за городъ въ храмъ св. Павла. Это зданіе въ то время не было еще окончено. Зданіе построено въ новѣйшемъ вкусѣ, украшено мраморными столбами и представляетъ значительные размѣры. Здѣсь собраны подарки всѣхъ иностранныхъ государей. Малахитъ, украшающій храмъ—подарокъ нашего Императора. Въ храмѣ находятся портреты всѣхъ папъ, чис-

ломъ около 300, мозаиковой работы. Посѣщеніемъ храма Св. Павла окончился нашъ осмотръ Рима. Вечеромъ мы были на фейерверкѣ, который устраивается ежегодно въ этотъ день. Этотъ фейерверкъ поразилъ насъ своимъ разнообразіемъ, обширностью и великолѣпіемъ. Для фейерверка были построены на возвышенности особые лѣса, огненный рисунокъ которыхъ представляла церковь. Народъ собирался на площади del Popolo передъ лѣсами. Зрѣлище было чудесное: огненные фонтаны, букеты, вензеля, бураки, звѣздочки—приковывали къ себѣ вниманіе. Ракеты перелетали надъ нашими головами; онѣ были такъ искусно направлены, что, ударяясь въ опредѣленное мѣсто, зажигали тамъ новый огонь. Мы, русская молодежь, были восхищены этимъ зрѣлищемъ, признали итальянцевъ первыми пиротехниками въ мірѣ и думали, что лучше и сдѣлать нельзя. Мѣстные жители намъ сообщили, что этотъ фейерверкъ еще не совсѣмъ удался.

Я уже говорилъ, что аббать отказался отъ денежнаго вознагражденія, но въ день нашего отъѣзда онъ предложилъ намъ подписаться въ пользу какого-то бѣднаго семейства. Мы всѣ сдѣлали денежный взносъ, но небольшой, потому что, за время пребыванія въ вѣчномъ городѣ, израсходовали наличныя наши деньги. Надо отмѣтить курьезный случай: однажды, послѣ сытнаго обѣда съ шампанскимъ, нашъ любезный аббать охмѣлѣлъ. Когда мы вышли на улицу, аббать, подъ вліяніемъ вина, сталъ кричать и дурно себя вести; такъ что мы вынуждены были его покинуть и оставить одного на улицѣ.

Римъ оставилъ во мнѣ сильное впечатлѣніе не только своими зданіями, но и художественными произведеніями. Галерея, содержащая въ себѣ скульптурныя работы древнихъ и новыхъ художниковъ—восхитительна; этимъ оригиналамъ нѣтъ цѣны. Картинная галерея въ Ватиканѣ не велика, но въ ней находятся произведенія Рафаэля, Микель-Анджело, Тиціана, Кореджіо. Я даже понялъ различіе въ живописи художниковъ Рафаэля и Тиціана. У перваго—выраженіе лицъ неземное, видны легкія тѣни; у втораго, наоборотъ, яркія краски, роскошныя формы.

При обзорѣннн скульптурныхъ произведеній, нашъ товарищъ вздумалъ нанести ударъ тросточкою какой-то статуѣ. Такая выходка меня удивила и испугала, и я обратился къ товарищу съ упрекомъ въ неумѣстности такого поступка.

Въ Римѣ мы купили много разныхъ вещей: мозаиковыя брошки, коралловыя украшенія, брелоки съ папскимъ портретомъ и пр. Мною былъ купленъ ламповый абажуръ съ изображеніемъ иллюминаціи собора св. Петра. Кромѣ того я привезъ домой изъ

Рима большой священный гвоздь, который былъ приложенъ къ тому гвоздю, коимъ былъ прибитъ на крестъ Спаситель. При гвоздѣ былъ припечатанъ писанный на бумагѣ аттестатъ, удостоверяющій дѣйствительность святости гвоздя. Теперь времена измѣнились; вѣра упала, и едва-ли найдется много охотниковъ покупать подобные священные гвозди. Что много измѣнились понятія вѣрующихъ, видно изъ факта, сообщеннаго въ газетахъ, о выборѣ въ Римѣ городскимъ головою еврея.

Прусскій король направлялся въ Триестъ, и поэтому ему приходилось ѣхать на нашемъ пароходѣ вокругъ Апеннинскаго полуострова. Для сокращенія дороги, король избралъ другой путь: сухимъ путемъ переѣхать изъ Рима въ приморскій городъ Анкону; а оттуда, моремъ, въ Триестъ. Для исполненія этого указанія нашъ пароходъ пошелъ въ Адриатическое море, и 18 апрѣля 1859 г. мы были уже въ Мессинѣ. Это большой городъ, построенный вдоль берега у пролива. Въ городскомъ театрѣ не было спектаклей по случаю болѣзни неаполитанскаго короля, а церквей я не осматривалъ, потому что онѣ были заперты. Улицы Мессины длинны, не очень грязны, но мѣстами вонючи. Когда смерклось, мы вошли въ кафе, гдѣ былъ биллиардъ и комната для карточной игры. Кажется, кто-то изъ насъ игралъ на биллиардѣ. Уходя изъ кафе, мы хотѣли заплатить деньги; но съ насъ денегъ не взяли по той причинѣ, что съ иностранцевъ денегъ не берутъ.

Въ Анкону мы пришли 22 апрѣля. На берегъ я не съѣзжалъ, только могу сказать, что Анкона представляется съ моря красивымъ городомъ. Двадцать четвертаго числа мы вышли изъ Анконы, имѣя у себя на пароходѣ прусскаго короля. Въ Триестъ мы шли малымъ ходомъ, потому что съ нами шелъ прусскій почтовый пароходъ. Этотъ пароходъ долженъ былъ придти въ Триестъ раньше насъ, чтобы извѣстить о предстоящемъ приѣздѣ короля; шелъ же пароходъ тихо, потому что тащилъ на буксирѣ какое-то судно. Предъ Триестомъ мы выдержали сильную бурю; была бора отъ N 0 и температура дошла до 0°. Въ Триестѣ король съѣхалъ на берегъ на австрійскомъ военномъ катерѣ. На другой день по своему прибытію въ городъ, король прислалъ къ намъ на пароходъ своего адъютанта благодарить офицеровъ за плаваніе и пригласилъ ихъ обѣдать въ отель. Всѣ чины нашего парохода получили отъ прусскаго короля награды: кто ордена, кто подарки; матросамъ было дано по 10 франковъ на человѣка, и намъ, воспитанникамъ, по 50 франковъ.

Я былъ въ Триестѣ, который мнѣ напомнилъ Петербургъ, по его булыжной мостовой. Здѣшній Италіанскій театръ внутри отдѣланъ

красиво, но играютъ въ немъ плохо, такъ что я не высидѣлъ цѣлой игры. Здѣсь мы покупали ликеръ мараскинъ по 5 франковъ за бутылку. Теперь, по случаю войны, золото здѣсь очень вздорожало.

Изъ Триеста мы пошли опять въ Анкону, и на этотъ разъ я былъ на берегу. Могу сказать только, что городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ узенькихъ улицъ, но магазиновъ въ немъ много. Изъ Анконы мы пошли въ Мессину, куда и прибыли 1 мая. Здѣсь мы нашли спѣлыя вишни и землянику. Въ этомъ портѣ мы простояли цѣлый мѣсяцъ, и за это время я съѣлъ огромное количество мороженого. Намъ рассказывали, что для приготовления мороженого особые люди ежедневно лѣзутъ на гору, чтобы получить снѣгъ. 28 мая пришелъ на мессинскій рейдъ американскій фрегатъ, который мы осматривали. Чистота превосходная, порядокъ отличный, помѣщенія великолѣпныя; недаромъ на этомъ фрегатѣ былъ адмиралъ. Насъ угостили завтракомъ съ шампанскимъ, потомъ мы смотрѣли пушечное ученіе. Когда мы уходили, на фрегатѣ заиграли нашъ народный гимнъ.

29 мая пришелъ въ Мессину русскій фрегатъ „Полканъ“, привезшій намъ приказаніе идти домой въ Кронштадтъ. Этому распоряженію всѣ мы обрадовались.

Изъ Мессины мы перешли въ Геную. Въ это время шла война съ Австріей, и въ городѣ войскъ совсѣмъ не было. Мѣста часовыхъ занимали штатскіе люди съ военными фуражками на головахъ. Было похоже, что взяли купцовъ и приказчиковъ изъ лавокъ, дали имъ ружья и поставили на часы. Генуя расположена амфитеатромъ. Тутъ видишь дома въ семь этажей, но за то попадаютъ переулки, шириною въ сажень. На улицахъ было много народу. Здѣсь можно дешево купить кораллы, пеньковые мундштуки для папиросъ, бархатъ, часы. Здѣшній рейдъ былъ полонъ купеческихъ судовъ; было нѣсколько и военныхъ. Извѣстный италіанскій поэтъ очень дурно отозвался про Геную, говоря, что здѣсь горы безъ лѣсу, море безъ рыбы, мужчины безъ чести, женщины безъ стыда. Я могу подтвердить, что горы дѣйствительно безъ лѣсу.

Изъ Генуи мы вышли 2 іюня и пошли въ Вилла-Франку и потомъ въ Тулонъ. Здѣсь мы нашли огромную французскую эскадру изъ восьми кораблей, двухъ фрегатовъ, шести корветовъ, десяти париходовъ и тридцати канонерскихъ лодокъ. У кораблей были особые плашкоуты для постановки бомбическихъ орудій, дабы можно было ближе подходить къ берегу и пускать бомбы. 6 іюня мы пришли въ Марсель. Я былъ здѣсь въ театрѣ и слушалъ оперу „Триваторъ“. Актеры изъ разныхъ труппъ, но примадонна и первый теноръ пѣли безукоризненно. Въ партерѣ мѣсто по 1½ франка, и

туть собираются блузники, переходящіе съ мѣста на мѣсто по скамейкамъ. Въ бельэтажѣ ложъ нѣтъ: тамъ устроены отдѣльныя одиночныя мѣста по 4 франка. Три яруса ложъ были пусты. До начала спектакля сильно надоѣдали продавцы дешевыхъ газетъ. Контроль надъ входными билетами былъ очень сложный. Сперва оторвутъ полбилета; потомъ возьмутъ вторую половину билета и дадутъ особую марку, которую надо беречь во все время спектакля. При выходѣ изъ театра, надо опять подвергнуться осмотру въ 3-хъ инстанціяхъ. По случаю побѣды, одержанной французами надъ австрійцами, шла по городу большая процессія, въ коей были монахи, одѣтые въ черныя, синія и бѣлыя платья, солдаты и проч. Впереди процессіи шелъ быкъ, на которомъ сидѣлъ мальчикъ. Нашъ пароходъ стоялъ въ гавани у самой стѣнки, такъ что сообщеніе съ берегомъ было очень удобное, по положеннымъ доскамъ. Каждый вечеръ мы проводили въ кафе Альказаръ, гдѣ играетъ оркестръ въ 30 человекъ и даются на особой сценѣ представленія. Здѣсь я впервые увидалъ французскаго солдата съ ружьемъ въ рукѣ, поющаго и пляшущаго на сценѣ. Пѣсни его были военныя, патріотическія.

Изъ Марсея мы вышли 16 іюня и пришли въ Кадиксъ, гдѣ нашли нашъ фрегатъ „Полканъ“. Въ день прихода мы были на похоронахъ русскаго офицера, убитаго на дуэли. Стоянка на Кадикскомъ рейдѣ скверная: нѣтъ защиты отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ и сообщеніе съ берегомъ трудное, я на берегъ не съѣзжалъ. Изъ Кадикса мы вышли 23 числа, по пути зашли ненадолго въ Лиссабонъ, 3 іюля стали на якорь въ Шербургъ. Въ Лиссабонѣ русскій консулъ опять насъ обманулъ доставкою сухарей для матросовъ. Онъ раскритиковалъ имѣющіеся у насъ прекрасныя сухари изъ Марсея, продалъ намъ мѣстные сухари, которые оказались очень дурными, и матросы ихъ не ѣли. Хорошо, что было куплено небольшое количество. Городъ Шербургъ показался мнѣ очень ничтожнымъ послѣ Марсея и Лиссабона. Здѣсь можно было одѣться, безъ затрудненія, въ русскую военную форму, такъ привыкли портные къ русскимъ морякамъ. Въ 1858 году была поставлена здѣсь конная статуя Наполеона I на площади передъ портомъ. Не помню гдѣ, въ Шербургѣ, или въ Брестѣ, мнѣ случилось разговаривать съ лодочникомъ, который помнилъ Наполеона I.—„Это былъ великій Императоръ“, сказалъ мнѣ старикъ въ заключеніе рѣчи, и слезы показались на его глазахъ.

На обратномъ пути въ Россію, нашъ капитанъ получилъ приказаніе перевести семейство княгини Г. изъ Франціи въ Кронштадтъ. Это распоряженіе, конечно, не понравилось капитану, потому

что по закону женщины не перевозятся на русскихъ военныхъ корабляхъ. Чтобы взять княгиню, нашъ пароходъ долженъ былъ зайти въ Гавръ. Въ этомъ коммерческомъ портѣ рейды совершенно открыты для вѣтровъ, а потому суда стояли въ бассейнѣ. Пошли и мы въ бассейнъ. Шли мы три часа, проходили очень узкія ворота, такъ что можно было одновременно протянуть къ обоимъ берегамъ руки и поздороваться. Городъ Гавръ понравился мнѣ своею чистою улицъ; здѣсь въ магазинахъ продаются вещи изъ слоновой кости и шелковыя матеріи дешевле марсельскихъ.

Наша княгиня хотѣла перевезти много разной движимости на нашемъ пароходѣ; но капитанъ воспротивился, не желая обращать военный пароходъ въ грузовой. Капитанъ объявилъ княгинѣ, что пароходъ имѣетъ много своего груза, и что для новыхъ предметовъ мѣста нѣтъ. А чтобы яснѣе видна была княгинѣ наша нагрузка, велѣлъ нѣсколько корзинъ съ каменнымъ углемъ поставить на верхней палубѣ. Такимъ образомъ, княгинѣ пришлось часть своего груза оставить въ Гаврѣ.

10 іюля мы вышли изъ Гавра и пошли въ Англійскій каналъ, а затѣмъ въ Нѣмецкое море. Передъ выходомъ изъ порта къ намъ прибыло княжеское семейство, состоящее изъ нѣсколькихъ дамъ и дѣтей. Княгиня выразила желаніе спать что-нибудь для офицеровъ. Наши офицеры были въ затрудненіи удовлетворить это желаніе. Однако дали обрубать носовые платки и можетъ быть еще что-нибудь. Сѣвши на нашъ пароходъ, все княжеское семейство держало себя очень спокойно и тихо. Передаютъ, что капитанъ, въ разговорѣ съ княгинею, сказалъ ей, что онъ познакомился по службѣ съ какою-то важною дамою; и что потомъ, когда онъ эту даму встрѣтилъ на Невскомъ и ей поклонился, то не получилъ отвѣта на поклонъ. „Я хотѣлъ сорвать съ нея шляпку“,—прибавилъ къ своему разсказу капитанъ. Послѣ этого разсказа княгиня стала бояться капитана.

Нашъ пароходъ не отличался быстротою хода: больше 10 миль въ часъ мы не шли, а потому переходъ нашъ въ Кронштадтъ былъ продолжительный; при томъ же мы заходили въ Готеборгъ и въ Киль. Естественно, что нашимъ пассажирамъ хотѣлось знать время нашего прибытія въ Кронштадтъ. И вотъ, однажды, княгиня обратилась къ кому-то изъ насъ—молодежи съ подобнымъ вопросомъ, при этомъ прибавила, что она боится предложить подобный вопросъ капитану, дабы тотъ не принялъ подобный вопросъ за упрекъ въ медленности хода парохода.

Въ Кронштадтъ мы пришли 26 іюля, и тѣмъ окончилось наше плаваніе.—За время всего этого плаванія я велъ дневникъ, и те-

перь, составляя свои воспоминанія, я пользовался этимъ дневникомъ, что и позволило мнѣ съ подробностью описать изложенную морскую кампанію. Мы, воспитанники, въ свое время были отправлены въ корпуса и пропустили цѣлый годъ классныхъ занятій, но насъ перевели въ старшій классъ и на слѣдующій годъ, въ маѣ 1860 года, мы были произведены въ офицеры.

Штурманское Училище давно закрыто, но память о немъ сохранилась въ нашихъ сердцахъ. Наши учителя Тибординъ, В. Харинъ, Митуричъ, Ризниковъ, Изотовъ давно лежатъ въ могилѣ, но свѣтлый ихъ образъ живъ въ нашей памяти. Скромные труженики съумѣли въ эпоху суровой дисциплины сохранить къ намъ теплое, сердечное отношеніе и показали намъ примѣръ высокаго нравственнаго совершенства.

Петръ Наумовъ.

